

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Сюэ Ф. Историческая эволюция стратегического партнёрства между Китаем и Россией (1992–2024 гг.) //

Конфликтология / nota bene. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.75741 EDN: XSPAVX URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75741

Историческая эволюция стратегического партнёрства между Китаем и Россией (1992–2024 гг.)

Сюэ Фужун

ORCID: 0000-0002-2622-7516

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Магеллана, 29

✉ xuefurong111@gmail.com

[Статья из рубрики "Дипломатия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.3.75741

EDN:

XSPAVX

Дата направления статьи в редакцию:

29-08-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Объектом данного исследования являются стратегические отношения сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией в 1992–2024 годах. Предмет исследования сосредоточен на периодизации исторических этапов китайско-российских отношений, формировании институциональных механизмов, эволюции стратегических факторов и моделях международного взаимодействия. Цель исследования заключается в выявлении и анализе ключевых факторов, определяющих развитие стратегического сотрудничества Китая и России, а также в объяснении того, как это двустороннее взаимодействие постепенно институционализировалось в условиях изменяющейся международной обстановки. Для достижения этой цели в работе рассматриваются этапы эволюции и институционального оформления стратегического партнёрства, анализируются его движущие силы и ограничения, а также оценивается

новая модель международных отношений, проявляющаяся в этом взаимодействии, и её перспективы. Теоретической основой исследования является реализм, при этом также используются положения конструктивизма и институционализма для анализа интересов, взаимодействия и механизмов сотрудничества в китайско-российских отношениях. Кроме того, используются анализ литературы, кейс-стади и сравнительный метод для изучения истории, практики и влияния стратегического сотрудничества двух стран. Научная новизна работы заключается в том, что на основе отечественных и зарубежных исследований в диссертации предпринята первая попытка систематически проследить весь процесс эволюции китайско-российского стратегического партнёрства в 1992–2024 годах и выделить, каким образом внешнее давление способствовало углублению механизмов сотрудничества. В отличие от существующих исследований, особое внимание уделено логике институциональной эволюции и взаимодействию в условиях санкционного давления. В работе делается вывод, что китайско-российское стратегическое партнёрство сформировало комплексную систему сотрудничества в политической, военно-безопасностной, энергетической, финансовой сферах, а также в рамках многосторонних механизмов. Эта система одновременно отражает внешнее давление, подчёркнутое реализмом, и проявляет черты институционализации и конструирования идентичности в рамках институционализма и конструктивизма. Несмотря на наличие асимметрии и потенциальных противоречий, институционализированное сотрудничество и стратегическое доверие придают китайско-российским отношениям устойчивость и уникальность в современном международном порядке. В дальнейшем всестороннее стратегическое партнёрство Китая и России будет развиваться в направлении большей комплексности, инновационности и устойчивости.

Ключевые слова:

Российско-китайское сотрудничество, Российско-китайские отношения, Стратегическое партнёрство, Международные отношения, Внешняя политика, Геополитика, Историческая эволюция, институциональное строительство, Многополярность, Мировой порядок

Введение

В 1991 году после распада Советского Союза Российской Федерации стала независимым государством и единственным правопреемником СССР. Вслед за этим Китай сразу объявил об установлении дипломатических отношений с Россией, что ознаменовало начало нового этапа в истории китайско-российских отношений. С ростом экономики Китая и повышением его совокупной национальной мощи мировой центр силы постепенно переместился из Европы и Северной Америки в Восточную Азию. Это смещение не только изменило международную обстановку, но и создало для Китая новые возможности и вызовы в сотрудничестве с другими крупными державами.

С 1992 года, после подписания «Совместного китайско-российского заявления», между двумя странами постепенно сложились отношения равенства, взаимного доверия и взаимной выгоды. Особенно в XXI веке, с изменением мировой системы, «углубление стратегического партнёрства Китая и России не только отражает пересечение их экономических и безопасностных интересов, но и символизирует более тесное взаимодействие двух стран в глобальных делах»^[1]. Кроме того, в условиях западных санкций и политического давления стратегическое сотрудничество Китая и России вступило в новый этап и постепенно сформировало устойчивую модель взаимодействия. Поэтому всесторонний анализ логики эволюции китайско-российских отношений за

последние тридцать лет имеет большое практическое значение и актуальность.

Исследование стратегического партнёрства между Китаем и Россией уже имеет достаточно богатые академические результаты, особенно в сферах экономического сотрудничества, политического взаимодействия и внешней политики двух стран. Ранние работы в основном были сосредоточены на этапе нормализации отношений, где учёные подчёркивали, что их установление было обусловлено изменениями международной ситуации после холодной войны и имело важное геополитическое значение.

Со временем научные исследования стали уделять больше внимания глубине и широте стратегического сотрудничества, особенно усиливаясь роли Китая и России в мировой политике и экономике. Так, были проанализированы общие интересы двух стран в противодействии западному давлению, энергетическом взаимодействии и региональной безопасности.

Кроме того, с ростом Китая как ключевого центра глобальной стратегии исследователи начали рассматривать, как Китай и Россия сотрудничают в рамках мировой системы и реагируют на новые вызовы. Однако большинство работ ограничивается этапными оценками на уровне политики или причинным анализом отдельных событий, тогда как систематического изучения всей траектории институциональной эволюции китайско-российского стратегического сотрудничества и её теоретического осмысления всё ещё не хватает. Особенно в условиях обострения глобальной геополитической конкуренции и частых институциональных санкций важно понять, каким образом Китай и Россия, находясь вне формального союза, достигают стратегической координации, отвечают на асимметричные угрозы и продвигают институционализацию механизмов сотрудничества.

Объектом данного исследования являются стратегические отношения сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией в 1992–2024 годах. Предмет исследования сосредоточен на периодизации исторических этапов китайско-российских отношений, формировании институциональных механизмов, эволюции стратегических факторов и моделях международного взаимодействия, которые в них проявляются.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе ключевых факторов, определяющих эволюцию стратегического сотрудничества Китая и России, а также в объяснении того, каким образом это двустороннее взаимодействие постепенно институционализировалось в условиях изменяющейся международной обстановки. Для достижения этой цели в работе рассматриваются этапы развития и институционального оформления стратегического партнёрства, анализируются его движущие силы и ограничения, а также оценивается новая модель международных отношений, проявляющаяся в этом взаимодействии, и её перспективы.

Теоретической основой исследования является реализм, в рамках которого анализируются интересы, формы взаимодействия и механизмы сотрудничества в китайско-российских отношениях. В исследовании применяются методы анализа литературы, кейс-стади и сравнительный метод для систематического изучения исторического фона стратегического сотрудничества двух стран, его конкретной практики и влияния на международные отношения.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка системно проследить весь процесс эволюции стратегического партнёрства Китая и России в 1992–2024 годах и подчеркнуть, каким образом внешнее давление способствовало углублению механизмов сотрудничества. В отличие от существующих исследований, особое

внимание уделяется логике институциональной эволюции и механизмам взаимодействия в условиях санкционного давления. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут послужить теоретической основой и реальной опорой для формирования двусторонней политики Китая и России, корректировки евразийской региональной стратегии, а также способствовать расширению академического взгляда в данной области.

Теоретико-методологические основы исследования стратегического партнёрства в международных отношениях

После окончания холодной войны термин «стратегическое партнёрство» постепенно получил широкое распространение в дискурсе международных отношений и стал важным обозначением для описания отношений между государствами, которые не являются союзниками, но при этом выстраивают высокую степень сотрудничества.

А. Тюшка и Л. Чеховска отмечают^[2], что «стратегическое партнёрство» как концепт впервые появилось в дипломатической практике после окончания холодной войны и не связано с разработкой какой-либо отдельной теоретической школы. Первое официальное использование термина относится к началу 1990-х годов, в частности к 1994 году, когда Европейский Союз и Россия подписали «Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве» (PCA), в котором ЕС впервые назвал Россию своим «стратегическим партнёром».

Стратегическое партнёрство представляет собой новую форму международного взаимодействия и служит носителем дипломатических и политических связей в многополярном мире, который можно охарактеризовать как многоцентровый (многополярный, многоузловой, постбиполярный/постуниполярный) и многоакторный (с участием нескольких крупных держав, различных акторов и институтов). Оно является дипломатическим инструментом, который теоретически ещё недостаточно разработан, но активно применяется на практике и отражает особенности эволюции многополярного мирового порядка.

Шесть характеристик стратегического партнёрства, выделенные Надкарни^[3], являются одной из наиболее часто упоминаемых концептуализаций данного понятия.

Стратегическое партнёрство обычно понимается как рамка сотрудничества между государствами, которые не являются ни союзниками, ни противниками, и обладает следующими ключевыми признаками: закрепление целей сотрудничества в официальных документах; создание многоуровневых механизмов взаимодействия; поддержание частых визитов на высшем уровне и регулярных консультаций; проведение военных контактов и совместных учений; развитие экономического сотрудничества; содействие культурным обменам и взаимопониманию между обществами.

При анализе исторической эволюции китайско-российского стратегического партнёрства теория реализма предоставляет наиболее объяснительную аналитическую рамку. Эта теория подчёркивает анархичность международной системы, рационально-инструментальный характер поведения государств и первостепенное значение их безопасности и выживания. В своей работе «Теория международной политики» К. Уолтц подробно проанализировал^[4], каким образом государства в анархической международной системе определяют своё поведение и стратегии ради выживания и укрепления власти. Поведение государств в международной системе определяется структурными факторами, и их сотрудничество чаще всего обусловлено изменением

распределения сил и давлением меняющейся среды безопасности.

С начала 1990-х годов, особенно после 2014 года, в условиях внешнего давления в сфере безопасности и глубоких изменений международного порядка Китай и Россия постепенно усилили стратегическое взаимодействие, проявив высокий уровень политической координации и стратегического согласования. Эти отношения не основаны на формальном союзничестве, а строятся на обеспечении национальной автономии и стратегической стабильности, через прагматическое сотрудничество в ответ на внешнюю неопределенность. В таком контексте теория реализма особенно применима для раскрытия причин формирования партнёрских отношений между Китаем и Россией, их институциональных механизмов и функционального назначения, что помогает понять более глубокую стратегическую логику и структурные факторы.

Дж. Миршаймер в переработанном издании своей книги «Трагедия политики великих держав» отмечает^[5], что в анархичной международной системе государства уделяют больше внимания выживанию и накоплению силы, чем идеологическому единству. Поэтому формирование стратегического партнёрства является скорее рациональной реакцией на изменение баланса сил, нежели результатом идеологической близости.

В этой системе координат углубление российско-китайских отношений связано не с идеологическим сближением или институциональным сходством, а с реакцией на изменения в международном балансе сил. Это отражает рациональный выбор двух стран в защите национальных интересов и безопасности.

Понятие «баланс сил», предложенное Дегтярёвым и Хусяковой^[6], даёт более глубокий теоретический взгляд на понимание российско-китайского стратегического партнёрства. В рамках реализма Россия и Китай, развивая стратегическое сотрудничество, стремятся не только расширить своё стратегическое пространство в международной системе, но и снизить зависимость от западных институтов во главе с США (особенно от финансовой системы и долларового расчётного механизма).

Сотрудничество двух стран охватывает экономику, политику и безопасность. Оно помогает продвижению глобального управления в сторону многополярности, а также служит институциональным ответом и стратегической корректировкой по отношению к западному доминированию^[7].

Таким образом, данная работа опирается на теорию реализма и рассматривает развитие российско-китайского стратегического партнёрства через призму структуры международной системы, логики национальной безопасности и баланса сил. Цель исследования – выявить причины и траекторию эволюции партнёрства, а также его место и тенденции в изменяющемся глобальном стратегическом порядке.

С 1990-х годов, когда США доминировали в однополярной системе, Россия и Китай постепенно осознали ключевое значение друг друга в обеспечении стратегического баланса. Особенно после кризиса на Украине в 2014 году, когда Запад ввёл масштабные санкции против России в финансовой, энергетической, технологической сферах. Это вынудило Россию ускорить стратегию «поворота на Восток» и сделать Китай приоритетным партнёром.

С точки зрения реализма такое взаимодействие можно рассматривать как институционализированное сотрудничество, политическую координацию и стратегическое доверие, направленные на совместный ответ внешнему давлению. Долгосрочная стабильность и углубление этих отношений отражают рациональный способ реагирования

государств на изменения в распределении сил.

Реалистический подход позволяет понимать российско-китайское стратегическое партнёрство как pragматический механизм межгосударственного взаимодействия. Его цель – адаптироваться к изменяющемуся международному порядку и противостоять таким вызовам, как односторонние санкции, рост geopolитической напряжённости и трансформация мировой системы.

В исследовании используется комплексный методологический подход. Исторический анализ позволяет проследить эволюцию партнёрства с 1992 года, с момента нормализации отношений, с акцентом на институциональное строительство и ключевые этапы. Сравнительный метод помогает выявить различия в моделях и механизмах сотрудничества на разных этапах (1992–2022). Текстовый анализ применяется к договорам и совместным заявлениям для выявления целей и норм сотрудничества. Контент-анализ используется для изучения политических текстов и общественного дискурса. В завершение проводится кейс-стади по важным событиям, таким как украинский кризис и подписание совместных деклараций, что позволяет раскрыть практические механизмы стратегического взаимодействия.

Этапная эволюция и институциональное формирование российско-китайского стратегического партнёрства (1992–2024 гг.)

После окончания холодной войны международная система претерпела серьёзные изменения. Распад Советского Союза ознаменовал завершение bipolarного порядка и открыл историческую возможность для перестройки российско-китайских отношений. В этом контексте 27 декабря 1991 года Китай признал Российскую Федерацию и установил дипломатические отношения на уровне посольств.

8 декабря 1992 года президент России Б. Н. Ельцин впервые официально посетил Китай. В Пекине стороны подписали «Совместное заявление об основах взаимоотношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой». В документе было зафиксировано решение рассматривать двусторонние отношения как отношения «дружественных государств». Это стало первой встречей на высшем уровне между Россией и Китаем после распада СССР и обретения Россией независимости^[8].

Этот шаг можно объяснить как стратегический выбор в условиях роста внешней неопределенности в сфере безопасности. Он был ответом на однополярный порядок США после холодной войны и стал основой для дальнейшей институционализации и укрепления российско-китайских отношений.

В опубликованном в 1993 году первом программном документе России по внешней политике «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» впервые официально была предложена политика двуглавого орла, то есть баланс между Востоком и Западом (см. <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strategy%20RUS.pdf>, дата обращения: 20.08.2025). Эта стратегия в условиях однополярного порядка США после холодной войны показывала реалистическую логику России — сохранять статус великой державы с помощью балансирующей дипломатии. Она также дала институциональную основу для усиления восточной политики.

В это время отношения России с Западом начали осложняться. Расширение ЕС укрепило «разделительную линию» между членами и не членами, что привело к тому, что Россия, хотя и относится к Европе географически и цивилизационно, оказалась исключена из

ключевой системы безопасности и политической интеграции.

По мнению китайского исследователя Хуан Дэнсюэ^[9] и российского эксперта Ю.А. Гусарова^[10], причины этого включали как внутренние проблемы России — экономический кризис, вопросы верховенства закона и прав человека как «входные барьеры», так и институциональные разрывы и недоверие, вызванные расширением НАТО, кризисом в Косово и войнами в Чечне. Такая ситуация «ограниченного принятия» подтолкнула Россию к постепенному стратегическому повороту на Восток в поисках новых опор для сотрудничества.

В сентябре 1994 года председатель КНР Цзян Цзэминь впервые посетил Россию и подписал «Совместную декларацию между Китаем и Россией» (см. <https://2008.cctv.com/special/903/6/70503.html>, дата обращения: 20.08.2025). В этих документах двусторонние отношения были определены как «новый конструктивный партнёрство», то есть отношения полного равенства, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества на основе принципов мирного сосуществования, без заключения союза и без направленности против третьих стран.

В апреле 1996 года во время визита президента России Б.Н. Ельцина в Китай лидеры двух стран подписали «Совместное заявление между Россией и Китаем» (см. <https://2008.cctv.com/special/903/6/70501.html>, дата обращения: 20.08.2025). В заявлении было провозглашено, что Россия и Китай намерены развивать «равноправное и доверительное стратегическое партнёрство, ориентированное на XXI век». Впервые были учреждены институционализированные механизмы диалога: ежегодные встречи лидеров, регулярные консультации глав правительств, прямая телефонная линия и консультации по вопросам безопасности.

В этот период нормализация российско-китайских отношений проявилась в трёх основных направлениях. Во-первых, был достигнут реальный прогресс в решении пограничных вопросов, что создало геополитическую основу для будущего сотрудничества. Во-вторых, позиции сторон по важным международным вопросам стали более согласованными, особенно в вопросах противодействия односторонним действиям и политике вмешательства. В-третьих, Россия и Китай начали сотрудничество в рамках ООН и других многосторонних механизмов, стремясь повысить своё влияние в системе глобального управления.

Хотя на этом этапе ещё не сложилась институционализированная сеть сотрудничества, именно тогда была заложена основа стратегического доверия и политической базы для последующего формирования всеобъемлющего стратегического партнёрства.

В июле 2001 года председатель КНР Цзян Цзэминь посетил Россию и вместе с президентом России В. Путиным подписал «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» (см. https://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60963.htm, дата обращения: 20.08.2025). Сотрудничество было расширено на пять основных сфер, включая безопасность, торгово-экономическую и гуманитарную области. Официальная политика продолжала подчёркивать принципы «не заключать союзов, не вступать в противостояние и не направлять действия против третьих стран».

В том же году две страны выступили инициаторами создания Шанхайской организации сотрудничества, распространив взаимодействие от региональной безопасности до многостороннего сотрудничества. Это ознаменовало переход стратегического

партнёрства от двустороннего уровня к углублённому многостороннему институционализированному сотрудничеству.

В июле 2005 года председатель КНР Ху Цзиньтао посетил Россию. Стороны подписали «Совместное коммюнике между Россией и Китаем» (см. https://www.gov.cn/gongbao/content/2005/content_64272.htm, дата обращения: 20.08.2025), которое всесторонне продвинуло развитие стратегического партнёрства и сотрудничества двух стран.

После избрания Дмитрия Медведева президентом Российской Федерации в 2008 году, партнерство между Россией и Китаем получило дальнейшее развитие. 24–25 мая 2008 года президент Медведев совершил государственный визит в Китай. Лидеры двух стран подписали «Совместное коммюнике по итогам встречи глав России и Китая в Пекине». Главы государств подтвердили, что «развитие долгосрочного и стабильного российско-китайского стратегического партнёрства является приоритетным направлением внешней политики двух стран, отвечает коренным интересам России и Китая, а также их народов, способствует развитию и процветанию двух государств, и имеет важное значение для мира, стабильности и развития в регионе и мире» (см. http://news.xinhuanet.com/politics/2008-05/24/content_8246815.htm, дата обращения: 20.08.2025).

16 июня 2011 года председатель КНР Ху Цзиньтао в Москве принял участие в концерте, посвящённом 10-летию подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем. В своём выступлении Ху Цзиньтао отметил, что Россия и Китай должны развивать «равноправное и доверительное, взаимоподдерживающее, общее процветающее и поколениями дружественное всестороннее стратегическое партнёрство» (см. https://www.gov.cn/ldhd/2011-06/17/content_1886239.htm, дата обращения: 20.08.2025).

5–6 июня 2012 года главы России и Китая приняли Совместное заявление о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнёрства равноправия и доверия (см. https://www.mfa.gov.cn/zyxw/201206/t20120606_319152.shtml, дата обращения: 20.08.2025). Стороны заявили о стремлении и дальше укреплять равноправное доверие, взаимную поддержку, общее процветание и дружественные отношения между народами на поколения вперёд.

22 марта 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин и президент России Владимир Путин в Москве совместно подписали «Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о сотрудничестве и взаимной выгоде, углублении всестороннего стратегического партнёрства» (см. https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/xgxw_679116/201303/t20130323_9336439.shtml, дата обращения: 21.08.2025). В документе были обозначены позиции Китая и России по стратегическому взаимодействию и важным международным вопросам.

20 мая 2014 года в Шанхае главы России и Китая подписали «Совместное заявление о новом этапе всестороннего стратегического партнёрства» (см. http://www.xinhuanet.com/world/2014-05/21/c_126527866.htm, дата обращения: 21.08.2025). Было объявлено, что отношения двух стран переходят на новый уровень. Прямыми фоном этого стало резкое ухудшение отношений России с Западом после начала украинского кризиса. События в Крыму привели к санкциям США и ЕС против России. Вынужденно Россия ускорила стратегию «поворота на Восток». В этих условиях Китай

стал для России важнейшим стратегическим партнёром.

С обострением китайско-американских отношений из-за торговой войны и технологических ограничений, Китай начал активнее продвигать стратегию диверсификации. В то же время Россия, находясь под долгосрочными санкциями, всё больше стремилась к сотрудничеству с Востоком. Однако кризис глобального управления и рост односторонних действий привели к тому, что Москва и Пекин выработали общий подход к защите международного порядка и поддержке мультилизма. В июне 2019 года Си Цзиньпин посетил Россию и принял участие в 23-м Петербургском международном экономическом форуме. В этот период стороны подписали «Совместное заявление России и Китая о развитии всеобъемлющего стратегического взаимодействия в новую эпоху». Обе страны объявили о развитии «всеобъемлющего стратегического партнёрства в новую эпоху», что подняло двусторонние отношения на более высокий уровень (см. https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5398117.htm, дата обращения: 21.08.2025).

В конце 2019 года в мире вспыхнула пандемия COVID-19, что усилило давление и вызовы для системы глобального управления. Многие государства опирались на чрезвычайные меры для борьбы с санитарным кризисом, но это ослабило демократический контроль и гарантии верховенства права, способствовало росту авторитарных тенденций и закреплению «политики кризиса».

В январе 2021 года к власти в США пришла администрация Джо Байдена. Отношения между США и Европой постепенно улучшились, и начался процесс обновления трансатлантических связей. На этом фоне отношения между Россией и Европой из-за украинского кризиса и других вопросов ещё больше ухудшились [\[11\]](#).

28 июня 2021 года главы России и Китая в формате видеоконференции объявили об автоматическом продлении Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и договорились о дальнейшем углублении двусторонних механизмов сотрудничества. На фоне политики администрации Байдена по укреплению трансатлантического альянса, сдерживанию Китая, а также кризиса глобального управления из-за пандемии и роста негативных нарративов в отношении России и Китая, продление договора стало политическим сигналом: стороны не только сохраняют механизмы сотрудничества, но и в институциональной и долгосрочной форме укрепляют стратегическое доверие.

Накануне российско-украинского конфликта отношения России с Западом уже оказались в состоянии острого противостояния; США и их союзники усиливали угрозу расширения НАТО на восток и санкционного давления на Россию. В то же время Китай сталкивался с давлением со стороны американской Индо-Тихоокеанской стратегии. В феврале 2022 года, в период зимней Олимпиады в Пекине, две страны опубликовали «Совместное заявление России и Китая о международных отношениях в новую эпоху и глобальном устойчивом развитии» (см. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202202/t20220204_10638953.shtml, дата обращения: 21.08.2025). Впервые было заявлено, что «дружбе между Россией и Китаем нет пределов, сотрудничеству нет закрытых сфер», что стало качественным скачком в политической воле и стратегическом позиционировании всеобъемлющего стратегического партнёрства.

В марте 2023 года председатель КНР Си Цзиньпин посетил Россию и вместе с президентом России Владимиром Путиным подписал «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации об углублении всестороннего

стратегического партнёрства в новую эпоху» (см. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202303/t20230322_11046188.shtml, дата обращения: 22.08.2025). В документе был сделан акцент на институционализацию, системность и долгосрочное развитие двустороннего сотрудничества. Этот шаг показал, что российско-китайские отношения вышли за рамки традиционного двустороннего взаимодействия и перешли к стратегической координации и институционализированному развитию в условиях изменений международного порядка. В это время российско-украинский конфликт приобрёл затяжной характер, западные страны усиливали санкции против России и стремились через механизмы НАТО и ЕС ещё больше изолировать её. Одновременно США продвигали «Индо-Тихоокеанскую стратегию», увеличивая стратегическое давление на Китай, а трения между Китаем и США в области технологий, торговли и безопасности продолжали нарастать.

16 мая 2024 года Россия и Китай совместно подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации об углублении всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху по случаю 75-летия установления дипломатических отношений» (см. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202405/t20240516_11305860.shtml, дата обращения: 22.08.2025). Стороны подчеркнули, что Россия и Китай будут всесторонне раскрывать потенциал двусторонних отношений, содействовать формированию равноправного и упорядоченного многополярного мира и демократизации международных отношений, объединять усилия для построения справедливого и разумного многополярного мира.

9 мая 2025 года председатель КНР Си Цзиньпин принял участие в праздновании 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Две страны подписали «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по случаю 80-летия Победы китайского народа в войне сопротивления японским захватчикам, Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и основания Организации Объединённых Наций о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху» (см. https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/202505/t20250509_11617671.shtml, дата обращения: 22.08.2025).

В заявлении было чётко обозначено позиционирование как «всепогодного стратегического партнёрства», которое характеризуется принципами «выше союзов, без запретных зон и без ограничений». Впервые в стратегический каркас были включены вопросы военного сотрудничества, совместных учений и их институционализации, что отразило новый уровень двусторонней стратегической координации и вышло за рамки обычных политических деклараций. На уровне многостороннего управления заявление подтвердило приверженность сохранению международного порядка с центральной ролью ООН, продвижению многополярного развития, а также критиковало расширение НАТО и практику односторонних санкций, демонстрируя стратегическое самоопределение России и Китая и их институциональное противостояние в глобальной системе дискурса.

На основе анализа развития событий в российско-китайских отношениях в 1992–2024 годах можно выделить три главные движущие силы их углубления: внешнее давление, внутренние политические и экономические потребности, а также накопительный эффект институционализированных механизмов.

Внешнее давление. После окончания холодной войны стратегическая экспансия США и

давление на Россию стали важным фоном для сближения России и Китая. В конце 1990-х – начале 2000-х годов расширение НАТО и война в Косово подчеркнули доминирование Запада в сфере международной безопасности^[12]. Эта внешняя угроза подтолкнула Россию и Китай к постепенному формированию стратегического консенсуса. После 2014 года украинский кризис и последующие западные санкции ещё больше усилили стратегическую потребность в взаимной поддержке. Логика реалистского объяснения внешних угроз проявилась особенно ярко на этом этапе. После начала российско-украинского конфликта в 2022 году всеобъемлющие санкции Запада ещё больше ускорили углубление стратегического взаимодействия, придали российско-китайскому сотрудничеству выраженный характер безопасности и взаимной зависимости.

Внутренняя политика и потребности развития. В России стабильность власти от позднего периода Ельцина до правления Путина и стратегия «возрождения великой державы» обеспечили преемственность курса на сотрудничество с Китаем. В Китае с момента политики «реформ и открытости» сохранялась потребность в экономическом росте, а после 2000 года стратегии «выхода вовне» и инициатива «Один пояс, один путь» требовали стабильной внешней среды и поддержки со стороны стратегических партнёров. Несмотря на различия в моделях развития, Россия и Китай проявляют высокий уровень согласия по ключевым вопросам защиты суверенитета, безопасности и права на развитие.

Институциональные механизмы. От создания механизма регулярных встреч глав государств в 1996 году до подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в 2001 году, а также совместной работы в рамках Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС, институционализация придала российско-китайским отношениям долгосрочную устойчивость. Институты сделали сотрудничество «предсказуемым» и благодаря накоплению опыта сформировали эффект путей зависимости.

Эти три фактора во взаимодействии способствовали постоянному углублению и расширению двусторонних отношений. В этом контексте стратегическое сотрудничество России и Китая охватило многие важные сферы и продолжает развиваться в новых направлениях.

Основные сферы стратегического взаимодействия между Россией и Китаем

После процесса нормализации отношений в 1990-е годы и последующего установления и углубления всеобъемлющего стратегического партнёрства российско-китайские отношения постепенно вышли на путь институционализированного и долгосрочного развития. В новую эпоху акцент уже не ограничивается лишь политическим доверием на символическом уровне, а распространяется на создание всеобъемлющей сети сотрудничества, охватывающей политику, безопасность, энергетику, финансы и многосторонние механизмы.

На фоне продолжающихся санкций со стороны США и Запада, роста односторонних действий и ускоряющихся процессов многополярности Россия и Китай через институционализированное сотрудничество и многостороннюю координацию постепенно формируют устойчивый каркас стратегического взаимодействия.

Политика и дипломатия

После холодной войны Россия и Китай заново определили формат двусторонних отношений как «партнёрство». В 1994 году было установлено «конструктивное

партнёрство», в 1996 году — «равноправное и доверительное стратегическое партнёрство», а в 2019 году — «всеобъемлющее стратегическое партнёрство в новую эпоху». В итоге практическое двустороннее сотрудничество было повышенено до уровня «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнёрства в новую эпоху», направленного на многополярность и переустройство международного порядка, обладающего ярко выраженными институциональными характеристиками и стратегической согласованностью. Совместные заявления и юридически закреплённые документы создали институциональную и правовую основу для долгосрочного курса «партнёрство без союзнических обязательств».

В правовой и договорной сфере важным шагом стал «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» (см. https://www.gov.cn/gongbao/content/2001/content_60963.htm, дата обращения: 23.08.2025) 2001 года. Он стал долгосрочной, стабильной и автоматически продлеваемой правовой основой отношений. В 2021 году договор был автоматически продлён, что усилило преемственность и стабильность сотрудничества и превратило политический консенсус в устойчивое юридическое обязательство. «Пекинская декларация» (см. https://www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_60409.htm, дата обращения: 23.08.2025) 2000 года и «Совместное заявление по проблеме ПРО» (см. https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/200011/t20001107_9337105.shtml, дата обращения: 23.08.2025) закрепили согласие сторон по ключевым вопросам безопасности и международного порядка в виде предсказуемых правил.

В сфере механизмов на высшем и межведомственном уровнях важным шагом стало регулярное совещание премьер-министров, начатое в 1996 году. Вместе с визитами глав государств, а также диалогом министров иностранных дел и по вопросам безопасности оно образовало вертикальную цепочку принятия решений. В 2001 году, после подписания «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем», сотрудничество расширилось до уровня вице-премьеров, где были созданы подкомиссии по образованию, культуре, здравоохранению и спорту. Это стало горизонтальным расширением повестки и инструментов сотрудничества. В 2013 году был запущен проект «Волга — Янцзы», который включил региональное взаимодействие в общую систему. В 2014 году в рамках «Совместного заявления России и Китая о новом этапе всестороннего стратегического партнёрства» были созданы Комитет по инвестиционному сотрудничеству, механизм взаимодействия в области правоохранительной деятельности и безопасности, консультации по стратегической безопасности, а также механизмы по энергетике и военному сотрудничеству. В 2021 году в формате совместных исследовательских центров по искусственному интеллекту, космосу и чистой энергетике в систему были включены вопросы науки и производственных цепочек. В 2024–2025 годах «Годы культуры России и Китая» усилили гуманитарные связи и общественную основу сотрудничества. Эти механизмы не только символизируют политическое доверие, но и, с точки зрения реализма, отражают необходимость стратегической координации сторон в условиях внешнего давления.

Безопасность и военное сотрудничество

В сфере безопасности и управления границей в декабре 1992 года президент Ельцин посетил Китай. Стороны подписали «Совместное заявление о взаимных отношениях между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» на основе принципов добрососедства и взаимной выгоды (см. <https://2008.cctv.com/special/903/6/70491.html>, дата обращения: 23.08.2025), а также

«Меморандум о взаимопонимании между правительствами двух стран по вопросам сокращения вооружённых сил в приграничных районах и укрепления доверия в военной сфере» (см. <https://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876991443.pdf>, дата обращения: 23.08.2025). «Меморандум» прямо указывал, что до конца 1994 года стороны должны заключить межправительственное соглашение, в соответствии с которым вооружённые силы будут сокращены до минимального уровня, соответствующего характеру отношений, и что войска в приграничных районах будут носить только оборонительный характер. В июле 1994 года было подписано Соглашение о предотвращении опасной военной деятельности, а в сентябре того же года принято Совместное заявление о ненаведении стратегических ядерных вооружений друг на друга [13].

В 1996 году были предприняты меры по укреплению доверия в военной сфере в приграничных районах, что заложило основу для последующей региональной архитектуры безопасности. В 2004 году Дополнительное соглашение по восточному участку границы окончательно урегулировало исторические вопросы. В 2009 году было создано «Механизм взаимного уведомления о пусках баллистических ракет», то есть подписано «Соглашение об уведомлении о пусках баллистических ракет и коммерческих космических ракет-носителей» (см. <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/158593.html>, дата обращения: 24.08.2025), что стало новым шагом в укреплении доверия в военной и безопасности сфере. В 2014 году после совместных учений «Морское взаимодействие-2014» (см. https://www.mfa.gov.cn/web/zilia_674904/zt_674979/ywzt_675099/2014zt_675101/yxhy_675105/zxxx_675107/201405/t20140520_9282657.shtml, дата обращения: 24.08.2025) главы государств продолжили военные контакты, а на уровне министров и военных ведомств установилось регулярное взаимодействие. В 2021 году было подписано пятилетнее соглашение о военном сотрудничестве.

Параллельно, на базе заседаний по стратегической безопасности, стороны обсуждали региональную безопасность, безъядерный статус, борьбу с терроризмом и актуальные региональные проблемы. Совместные пограничные комиссии и механизмы взаимодействия по линии пунктов пропуска поддерживали повседневный контроль за использованием трансграничных водных ресурсов и функционированием пограничной инфраструктуры.

В области совместных военных учений и военного обмена важным событием стал визит Тихоокеанского флота России в Китай в 1999 году, а в 2000 году китайские военные корабли нанесли ответный визит во Владивосток. С этого времени обмены между военно-морскими силами двух стран стали регулярными. По данным Министерства обороны КНР за 2002–2024 годы (см. <http://www.mod.gov.cn/>, дата обращения: 24.08.2025), стороны провели более 47 совместных учений или патрулирований. Среди них: «Морское взаимодействие» — 12 раз, совместные стратегические воздушные патрули — 9 раз, учения «Миссия во имя мира» — 5 раз, участие в крупных стратегических манёврах России — 5 раз, многосторонние морские учения — 7 раз. В учениях в общей сложности участвовало более 240 кораблей, свыше 100 самолётов, около 930 единиц наземной техники, а также примерно 26 тысяч военнослужащих. Военное взаимодействие Китая и России характеризуется высокой частотой, широким охватом, разнообразием задач и полнотой обсуждаемых вопросов. В рамках реалистской парадигмы такое сотрудничество является реакцией на расширение НАТО и американское военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одновременно оно отражает стремление сторон передавать стратегические сигналы посредством

учений. Кроме того, Китай и Россия сохраняют высокий уровень координации в вопросах пограничной безопасности, что обеспечивает стабильность на границах и создаёт надёжную основу для стратегического взаимодействия.

Энергетика и инфраструктурное сотрудничество

Энергетическое взаимодействие является наиболее прочной и практической основой в отношениях между Китаем и Россией. В 1990-е годы фундамент был заложен меморандумами о сотрудничестве в сфере нефти, газа и электроэнергии, а также механизмом регулярных встреч премьер-министров. В 1999 году началось строительство Тяньваньской

АЭС (см.

<https://www.caea.gov.cn/n6760338/n6760342/c6829018/content.html>, дата обращения: 20.08.2025). В 2008–2011 годах были построены и введены в эксплуатацию нефтепроводы, а в 2011 году завершено создание линии постоянного тока Китай–Россия, что обеспечило две стабильные энергетические артерии — нефтяную и электрическую. В 2014 году стороны подписали долгосрочный контракт по восточному маршруту поставок природного газа и начали его строительство; в 2019 году началась подача газа, а в 2020 году был продолжен южный участок. Нефтегазовое сотрудничество из отдельных проектов превратилось в сеть. В 2015 году сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом установило единые правила и обеспечило связность проектов. Новые направления включают атомную энергетику и освоение Арктики: в 2017 году началась добыча СПГ на Ямале, а в 2018 году первый танкер доставил газ в Китай по Северному морскому пути. В том же 2018 году были подписаны рамочные соглашения по блокам 7/8 Тяньваньской АЭС, блокам 3/4 АЭС Сюйдабао и демонстрационному быстрому реактору; к 2021 году начались строительные работы по двум атомным проектам, что стимулировало сотрудничество в сфере низкоуглеродных технологий и высокотехнологичного оборудования. В 2016 году инициатива объединённой энергосистемы Северо-Восточной Азии и создание совместного предприятия по электросетям расширили сотрудничество от инженерных работ до управления активами и сетевого взаимодействия. На уровне политики и инвестиций стабильно функционируют Энергетический деловой форум и Межправительственная комиссия по энергетическому сотрудничеству^[14]. В Совместном заявлении глав государств 2023 года энергетическое сотрудничество было определено как приоритет до 2030 года (см.

https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202303/t20230322_11046176.shtml, дата обращения: 24.08.2025). В 2024 году на заседании на уровне вице-премьеров было объявлено о расширении инвестиций и энергетического взаимодействия. В целом стороны договорились о долгосрочной координации по принципу «устойчивые каналы, совместимые правила, воспроизводимые платформы» (см. https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/202407/t20240723_11458937.shtml, дата обращения: 24.08.2025).

Постоянное углубление энергетического сотрудничества между Россией и Китаем определяется сочетанием трёх факторов: внешней среды, экономической взаимодополняемости и стратегических интересов. Под давлением санкций США и протекционизма стороны усиливают сотрудничество, чтобы снизить риски и обеспечить энергетическую безопасность. В то же время Россия нуждается в стабильном рынке для экспорта энергоресурсов, а Китай остаётся крупнейшим импортером энергии. Такая высокая взаимодополняемость спроса и предложения создаёт прочную основу для взаимодействия. На стратегическом уровне обе страны стремятся выстроить систему энергетической безопасности, относительно независимую от Запада, и активно

продвигают расчёты в юанях, чтобы снизить влияние валютных колебаний и односторонних санкций. В рамках сопряжения «Евразийского экономического союза» и «Экономического пояса Шёлкового пути» сотрудничество выходит за рамки традиционных поставок и включает совместные проекты в области интеллектуальной энергетики, цифровых решений и чистых технологий. В целом энергетическое партнёрство России и Китая укрепляет стабильность энергетической системы Евразии и придаёт дополнительный импульс экономическому росту и развитию двусторонней торговли [15].

Финансовое и торговое сотрудничество

В 1993 году Банк Китая открыл в России дочерний банк, что стало началом финансового присутствия Китая. С 2007 года в Москве последовательно появились филиалы ICBC, Аграрного банка Китая и Банка строительства Китая, образовав сеть китайских банков для обслуживания расчётов и кредитования двусторонней торговли [16]. В сфере национальных валют [17] в 2014 году центральные банки заключили соглашение о валютном свопе на 1500 млрд юаней / 8150 млрд рублей, что способствовало росту доли расчётов в нацвалютах. В 2015 году юань был включён Банком России в список официальных резервных валют. В области расчётной инфраструктуры в 2016 году ICBC Москва получил статус расчётного банка по юаню в России. В 2024 году центральные банки подписали меморандум о создании механизма клиринга в юанях на территории России и начали проработку сопряжения систем CIPS и СПФС для повышения устойчивости трансграничных платежей. На уровне углубления рынка в 2023 году юань занял 35% в структуре валютных резервов России. В 2024 году его доля в двусторонних торговых расчётах составила около 36% в экспорте и 37% в импорте, а в валютных операциях на российском рынке достигла 99,6%. Несмотря на риски, российские банки в Китае в основном представлены представительствами, лишь немногие открыли филиалы. В июне 2024 года новый пакет санкций США затронул российские банки в Китае (включая филиал ВТБ в Шанхае). Однако в целом Китай и Россия, используя расчёты в нацвалютах, клиринговые механизмы и банковскую интеграцию, выстроили устойчивую систему финансового сотрудничества, которая в условиях санкционного давления обеспечивает стабильность и долговременный характер двусторонней торговли.

В сфере платёжных систем с 2006 года, когда China UnionPay вышла на российский рынок, сотрудничество Китая и России в области инфраструктуры платежей и расчётов постепенно углублялось (см. <https://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/eluosi.pdf>, дата обращения: 25.08.2025). В 2016 году ICBC в России организовал первый синдицированный кредит в юанях и вместе с UnionPay выпустил первую в стране банковскую карту в юанях. Российские банки начали активно выпускать карты UnionPay: с 2017 года Россельхозбанк оформил сотни тысяч таких карт, а 9 марта 2022 года Почта Банк запустил виртуальные карты UnionPay, при этом в первый день было выпущено свыше 12 тысяч карт. После того как Visa и MasterCard в марте 2022 года приостановили работу в России, спрос на UnionPay резко вырос: объём выпуска увеличился примерно в 10 раз по сравнению с началом месяца, и уже к апрелю было оформлено около 500 тысяч новых карт, а их общее количество достигло примерно 3,8 млн. Одновременно стороны ускорили взаимное подключение платёжных систем в условиях «дедолларизации»: ряд российских банков подключились к китайской системе трансграничных платежей в юанях (CIPS), а многие китайские банки вошли в систему СПФС Банка России. В целом Китай и Россия выстраивают более устойчивую сеть платежей и расчётов, способную эффективно работать в условиях санкционного давления.

В сфере торговли первый заметный рост наблюдался в 1993 году благодаря приграничной торговле: объём составил около 3,2 млрд долларов США, что было почти половиной двустороннего товарооборота того года. В 1994–1999 годах из-за переходных процессов и корректировки политики произошло значительное падение. С 2000 по 2007 год, на фоне восстановления российской экономики и благоприятных условий, торговля быстро пошла вверх: в 2001 году объём достиг 10,67 млрд долларов США, а в 2008 году — уже 56,83 млрд (см. <https://interview.mofcom.gov.cn/detail/201605/1378.html>, дата обращения: 25.08.2025). В 2009–2014 годах мировой финансовый кризис привёл к временной просадке, но затем под влиянием государственных программ торговля восстановилась и стабилизировалась. С 2015 года, на фоне сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» и Евразийского экономического союза, товарооборот вновь ускорился: в 2017 году он составил 84,071 млрд долларов, а в 2018 году впервые превысил 100 млрд. Несмотря на пандемию и внешние шоки, торговля сохранила устойчивость и динамику роста. В 2024 году был установлен новый исторический рекорд — 244,8195 млрд долларов США (см. <https://sputniknews.cn/20250113/1063595701.html>, дата обращения: 25.08.2025).

В целом стратегическое партнёрство России и Китая выстроило всеобъемлющую и многоуровневую систему сотрудничества в сферах политики, безопасности, энергетики, финансов и многосторонних механизмов. Такая модель взаимодействия одновременно отражает реалистский акцент на структурные внешние факторы и демонстрирует высокий уровень институционализированной координации, процесс внутренней нормализации правил и всё более прочную основу стратегической идентичности.

Стратегическое партнёрство России и Китая в условиях глобальных перемен

В последние годы мировая структура постепенно развивается в сторону многополярности. После финансового кризиса 2008 года международный порядок столкнулся с всё большим количеством вызовов. По словам профессора Китайской академии международных отношений Да Вэя, с одной стороны, западные государства считают, что рост новых крупных держав, таких как Китай и Россия, представляет серьёзный вызов существующему международному порядку (см. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>, дата обращения: 28.08.2025). С другой стороны, политика, проводимая администрацией Дональда Трампа, а также такие события, как выход Великобритании из ЕС, серьёзно поколебали устойчивость существующего порядка внутри самого западного мира^[18].

Российский учёный Татьяна Шаклеина даёт характеристику западноцентричному мировому порядку^[19]: начиная с эпохи Клинтона и вплоть до администрации Байдена, США применяют постоянную и всё более жёсткую стратегию для сохранения своего глобального лидерства. По сути, это попытка не допустить формирования многополярного порядка. Многие государства, включая малые и средние страны, а также региональные державы, хотя и не выступают открыто против Запада, уже начинают молча наблюдать за ситуацией и искать пути развития и формы международного сотрудничества, не основанные на американском доминировании.

Иван Тимофеев, эксперт Российского совета по международным делам, отмечает, что мир вступает в эпоху «асинхронной многополярности»^[20]. Военная сила уже распределена по многим центрам, тогда как финансовая система остаётся во многом доллароцентричной, а преимущества в сфере технологий и цепочек поставок в основном сохраняются за Западом. Это приводит к сочетанию асимметрической конкуренции и

управленческих противоречий. Многосторонние механизмы теряют сдерживающую силу, эффективность Совета Безопасности ООН снижается, возвращается групповая политика, а вопросы безопасности всё чаще определяются логикой союзов. Глобализация не свернулась, но приобрела черты регионализации, блоковой структуры и сосуществования множества правил, что можно назвать «фрагментированной глобализацией». В Азиатско-Тихоокеанском регионе ситуация в области безопасности обостряется из-за продвижения НАТО в АТР, а также инициатив AUKUS и QUAD. В Европе и Индо-Тихоокеанском регионе усиливается процесс ремилитаризации и формирование союзов по линии цепочек поставок. Одновременно Россия, Китай и другие страны продвигают повестку «нового многостороннего сотрудничества», акцентируя важность предоставления институциональных общественных благ в рамках международного права и выступая против санкций и блокового противостояния.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации А.Ю. Руденко отметил [\[21\]](#): «Человечество переживает беспрецедентные революционные перемены и необратимо движется к новому мировому порядку, конечной целью которого должно стать формирование более справедливого многополярного мира. Перед нами опасные и непредсказуемые, но в то же время самые значимые за десятилетия после окончания Второй мировой войны преобразования».

Председатель Академического консультативного совета Шанхайского института международных исследований Ян Цземе́нь отметил [\[22\]](#), что украинский кризис не изменил основного факта: «Европа больше не является центром мира». Однако он превратил региональный конфликт в фактор, ускоряющий эволюцию глобального порядка и международной системы. Дробление и перестройка мировой силы будут долгим, сложным и извилистым процессом. В краткосрочной перспективе соотношение сил между Западом и развивающимися странами может временно меняться в отдельных областях, но в средне- и долгосрочной перспективе тенденция к многополярности будет только углубляться.

В целом многополярность мирового порядка стала необратимой. Для того чтобы эффективно защищать национальные интересы и способствовать глобальной стабильности в новых условиях, необходимо обновлять формы сотрудничества. В отличие от прошлой модели, когда западные страны через доминирование в одном международном институте поддерживали своё положение, современные акторы изменений в мировом порядке используют более разнообразные и гибкие стратегии.

В исследовании Грачикова Е.Н. указывается [\[23\]](#), что Китай стремится играть более значимую роль на международной арене, особенно в глобальном соперничестве с США. Он также раскрывает концепцию глобального управления Си Цзиньпина, в частности идею «сообщества единой судьбы человечества» [\[24\]](#), которая служит теоретической основой для действий Китая в международных организациях и подчёркивает вклад страны в формирование более справедливого и рационального международного политico-экономического порядка.

Ключевая линия российской внешней политики заключается в том, чтобы в условиях масштабного противостояния с Западом реагировать через «поворот на Восток», углубление стратегического взаимодействия с Китаем и укрепление связей с незападным миром [\[25\]](#). Конечная цель состоит в сопротивлении западной гегемонии, сокращении зависимости от западной системы и продвижении формирования многополярного мирового порядка.

Таким образом, дипломатическая политика Китая и России в международных организациях имеет ярко выраженную специфику: с одной стороны, они стремятся реформировать существующие механизмы для повышения их представительности, а с другой — активно создают или усиливают новые многосторонние платформы, чтобы построить многополярную институциональную систему, максимально отвечающую их стратегическим интересам.

20 мая 2014 года главы России и Китая совместно подписали «Совместное заявление России и Китая о новом этапе всестороннего стратегического партнёрства», в котором была чётко обозначена концепция «сетевой партнёрской дипломатии»^[26].

Сетевая дипломатия была впервые предложена американским учёным Джейми Ф. Мецлом. Он считал^[27], что в условиях глобализации и информационной революции дипломатия должна выходить за рамки исключительно правительственного уровня и строиться через участие международных организаций, неправительственных структур, бизнеса, общественных объединений и даже отдельных лиц, формируя взаимосвязанную сеть действий.

Если традиционная партнёрская дипломатия акцентировала двусторонние отношения сотрудничества, то сетевая партнёрская дипломатия делает больший упор на взаимодействие и координацию в рамках множества многосторонних механизмов^[28]. Такая гибкая и эффективная форма многосторонней сетевой дипломатии постепенно заменяет традиционные союзы и может применяться для решения международных проблем. Сетевая партнёрская дипломатия является развитием и дополнением партнёрской дипломатии: она подчёркивает необходимость ведения дипломатической деятельности в партнёрском формате и укрепления отношений через создание и функционирование различных механизмов.

В координации России и Китая в рамках таких многосторонних платформ, как ШОС, БРИКС, ООН, АТЭС и другие, эффективность применения «сетевой дипломатии» становится особенно заметной.

Президент В.В. Путин считает (см. <http://www.news.cn/20250830/a8c5f30dc21a4aec84521df32e080a9f/c.html>, дата обращения: 28.08.2025), что сотрудничество России и Китая в многосторонних форматах является важной частью двусторонних отношений и значимым фактором в мировой политике. Постоянный обмен мнениями по ключевым международным вопросам показывает, что у России и Китая существует широкий спектр общих интересов и схожие позиции по принципиальным вопросам. Такое взаимодействие не ограничивается двусторонним уровнем, а направлено на продвижение справедливого многополярного мирового порядка, основанного на поддержке «глобального большинства».

В рамках Организации Объединённых Наций сотрудничество России и Китая достигло беспрецедентного уровня, что полностью соответствует духу их всестороннего стратегического партнёрства. Особое внимание уделяется работе в «Группе друзей в защиту Устава ООН», которая стала важным инструментом консолидации «глобального Юга». Обе стороны выступают за реформу ООН с целью её большего соответствия современным реалиям, например, за счёт включения государств Азии, Африки и Латинской Америки в состав членов, чтобы Совет Безопасности стал более демократичным, при этом подчёркивая необходимость тщательного рассмотрения любых изменений.

На таких экономических площадках, как «Группа двадцати» (G20) и АТЭС, Россия и Китай тесно взаимодействуют, что вносит позитивные изменения в их деятельность. В рамках G20 обе стороны вместе с единомышленниками (прежде всего, странами БРИКС) акцентируют внимание на темах, волнующих «глобальное большинство».

В механизме БРИКС государства активно сотрудничают, чтобы укрепить его роль как одного из центров международной архитектуры. Они совместно продвигают инициативы, направленные на расширение возможностей для экономического развития стран-участниц, в том числе через создание платформы партнёрства в ключевых сферах, а также придают большое значение привлечению дополнительных инвестиций для реализации важнейших инфраструктурных проектов. Обе стороны выступают за повышение роли БРИКС в урегулировании международных и региональных конфликтов и формируют «единый фронт» против дискриминационных санкций в мировой торговле.

Россия и Китай совместно поддерживают реформу Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка. Они едины во мнении, что новая финансовая система должна строиться на принципах открытости и подлинной справедливости, обеспечивая равный и недискриминационный доступ всех стран к её инструментам и отражая реальное положение членов в мировой экономике. При этом важно не допустить использования финансовой сферы для неоколониальных целей, противоречащих основным интересам «глобального большинства».

Шанхайская организация сотрудничества играет всё более значимую роль во внешней стратегии России и Китая. Для Москвы её значение прошло заметную эволюцию: если после событий 11 сентября 2001 года она воспринималась как региональный механизм по борьбе с экстремизмом и обеспечению стабильности в Центральной Азии, то с изменением международной обстановки — война в Ираке, «цветные революции» и другие процессы — Россия всё больше рассматривает ШОС как платформу немилитарного характера для противодействия односторонним действиям и продвижения идеи многополярного мирового порядка^[29].

После выдвижения Китаем инициативы «Один пояс, один путь» в 2013 году и украинского кризиса 2014 года Россия стала придавать большее значение Шанхайской организации сотрудничества как ключевому элементу концепции «Большого евразийского партнёрства». Москва активно продвигает её сопряжение с Евразийским экономическим союзом. В этом процессе Россия через ШОС углубляет стратегическое взаимодействие с Китаем, совместно реагирует на региональные вызовы безопасности, расширяет пространство экономического сотрудничества и координирует интересы в Центральной Азии^[30].

Несмотря на то что в рамках Шанхайской организации сотрудничества Россия и Китай выстроили тесное взаимодействие, называемое «всесторонним стратегическим партнёрством», углубление этих отношений всё же сталкивается с рядом структурных ограничений.

Ещё в 2018 году Игорь Денисов отмечал^[31], что в российском обществе сохраняются опасения относительно расширения китайского влияния. Некоторые российские учёные выражают беспокойство, что активное экономическое присутствие Китая, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, может поставить Россию в зависимую позицию. В геополитическом плане, несмотря на общую координацию в продвижении многополярности, в АТР и Центральной Азии сохраняется скрытая конкуренция, связанная со строительством инфраструктуры и расширением влияния. Российская

сторона подчёркивает необходимость сохранения стратегической автономии. В социально-культурной сфере, несмотря на усилия правительства по развитию дружественных обменов, часть российского общества настороженно относится к китайским мигрантам и инвестициям, а региональные власти проявляют осторожность к проектам с китайским капиталом, опасаясь избыточной зависимости от ресурсов и дисбаланса в экономической структуре.

В условиях продолжающегося давления западных санкций Россия активно корректирует внешнеполитический курс, усиливая сотрудничество за рубежом в поисках путей выхода из международной изоляции и экономической поддержки. Эта линия развития формирует с её стратегическим партнёром Китаем отношения, сочетающие координацию и скрытую конкуренцию. Так, после кризиса в Крыму 2014 года Россия активно развивает сотрудничество с Африкой в энергетике, сельском хозяйстве, инфраструктуре и сфере военной безопасности. Важными инструментами стали списание долгов, продовольственная помощь, экспорт вооружений и культурно-образовательные программы [\[32\]](#). В то же время Китай в рамках инициативы «Один пояс, один путь» продвигает в Африке инфраструктурное строительство, инвестиции в промышленность и финансовое сотрудничество. Несмотря на общую стратегическую близость, в таких областях, как освоение минеральных ресурсов и инвестиции в инфраструктуру, остаётся пространство для конкуренции.

По мнению экспертов институтов международных исследований Китая и России [\[33\]](#), несмотря на высокий уровень стратегического консенсуса и постановку чётких целей по росту торговли, на практике сохраняется ряд ограничений: частая политика торгового протекционизма со стороны России повышает неопределенность на рынке; различия в цифровых налогах и несогласованность таможенных правил в сфере трансграничной электронной коммерции сдерживают развитие новых форм торговли; колебания цен на сырьевые товары напрямую влияют на стабильность товарооборота; отсутствуют преференциальные торговые режимы — например, Китай участвует в RCEP, а Россия нет, что ставит её в менее выгодное положение.

Мосяков Д.В. выделяет следующие моменты [\[34\]](#): рост китайских инвестиций в Россию заметно отстает от расширения торговли, что отражает сохраняющиеся у инвесторов сомнения относительно рыночных рисков и устойчивости проектов. Проблема информационной асимметрии остаётся острой: китайские компании недостаточно осведомлены о таких российских механизмах, как особые экономические зоны или территории опережающего развития, созданные специально для привлечения инвестиций. Это мешает переходу от простой торговли к совместному производству и технологическому сотрудничеству. Кроме того, быстро растущий поток грузов создаёт давление на пограничную логистическую инфраструктуру, пропускная способность некоторых пунктов уже близка к пределу, что требует срочной модернизации. (2).

Таким образом, текущее взаимодействие России и Китая по своей сути является прагматичным партнёрством, движимым геополитическими интересами. Его дальнейшее углубление сдерживается внутренней конкуренцией, озабоченностью вопросами суверенитета и ограниченным уровнем стратегического доверия.

Заключение

В данной работе через анализ этапов развития российско-китайского стратегического партнёрства в 1992–2024 гг. показано, как отношения двух стран прошли путь от нормализации, через институционализацию сотрудничества, до углубления механизмов

стратегической координации. На каждом этапе существовали разные мотивации, институциональные рамки и формы стратегического выражения, но все они отражали адаптацию к внешнему давлению и к общим стратегическим целям.

Российско-китайское стратегическое партнёрство сформировало институциональное сотрудничество в политике, безопасности, энергетике, финансах и в многосторонних механизмах. Это сотрудничество подтверждает тезисы реализма о роли внешнего давления, а также имеет черты институционализма и конструктивизма — институционализацию и формирование идентичности. Несмотря на асимметрию и возможные противоречия, институционализированное сотрудничество и стратегическое доверие обеспечивают устойчивость и особый характер отношений двух стран в современной международной системе.

Исторический опыт показывает, что сотрудничество великих держав часто ослабевает при снижении внешней угрозы и уступает место национальным интересам. В российско-китайских отношениях сохраняются сомнения относительно долгосрочного стратегического доверия и распределения лидерства в будущем. Взаимоотношения двух стран в мировой системе остаются в определённой степени неопределенными. Конкуренция, вопросы суверенитета и ограничения доверия сдерживают более глубокое развитие отношений.

Тем не менее эти вызовы не подрывают стратегическую основу и главную линию развития сотрудничества. Под руководством на высшем уровне и благодаря институциональной поддержке Россия и Китай продолжают переводить политический консенсус в практические действия и стремятся построить более устойчивую и сбалансированную модель взаимодействия.

Опираясь на «Совместное заявление председателя КНР и президента РФ о плане развития основных направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года» и на текущие результаты, можно выделить следующие перспективы:

- Россия и Китай будут строить более устойчивые и сбалансированные торгово-экономические отношения. Планируется развитие приграничной инфраструктуры, рост объёмов торговли, улучшение её структуры и достижение цели в 300 млрд долларов к 2030 году.
- Стороны укрепят традиционное энергетическое сотрудничество и постепенно будут развивать новые сферы: зелёная энергетика, инновационные технологии, цифровизация. В центре окажутся возобновляемые источники энергии, водород, системы хранения. Это будет способствовать трансформации энергетической структуры и целям углеродной нейтральности.
- Важным направлением станет совершенствование логистики: развитие пропускной способности пунктов пропуска, строительство транспортных коридоров, повышение устойчивости цепочек поставок. Одновременно будет расти роль расчётов в национальных валютах и совершенствование финансовых механизмов.
- Будет уделено больше внимания региональному сотрудничеству — «Северо-Восток Китая – Дальний Восток России», инвестициям и промышленным проектам. Параллельно будет расширяться формат «Россия – Китай + третьи страны».
- В многосторонних организациях — ООН, БРИКС, ШОС — Россия и Китай будут усиливать координацию и продвигать идею справедливого многополярного мира.

В будущем российско-китайское стратегическое партнёрство будет развиваться в направлении более комплексного, качественного и устойчивого сотрудничества. Наряду с традиционными областями, такими как энергетика и безопасность, особое внимание будет уделяться инновациям, цифровой экономике и новым секторам. Две страны будут стремиться перейти от двустороннего взаимовыгодного взаимодействия к многостороннему сотрудничеству. Несмотря на сложные внешние условия и проблемы в структуре торговли, Россия и Китай будут продолжать совместно продвигать многополярный мировой порядок и формировать новые модели стратегического взаимодействия, которые станут примером для международных отношений нового типа.

Библиография

1. Yan Xuetong. Перемещение центра власти и трансформация международной системы // *Dangdai Yatai* [Современная Азия и Тихоокеанский регион]. 2012. № 6. С. 4-21.
2. Tyushka A., Czechowska L. Strategic partnerships, international politics and IR theory // *States, International Organizations and Strategic Partnerships: Practices, Interpretations and Critical Reflections* / Ed. by L. Czechowska, A. Tyushka. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 1-30.
3. Nadkarni V. *Strategic Partnerships in Asia: Balancing without Alliances*. – London; New York: Routledge, 2010.
4. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.
5. Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. Updated ed. – New York: W.W. Norton & Company, 2014. – Pp. 20-35.
6. Джегердялов В., Хужакова Е. Концепт баланса сил в стратегических партнерствах // Вестник международных исследований. 2021. № 2. С. 45-52.
7. Lo B. *Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics*. – London: Chatham House, 2008.
8. Zhong-E jianjiao 60 zhounian (Zhongyao wenxian huibian) [60-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией: сборник важных документов]. – Shijie zhishi chubanshe, 2010. – S. 109-110.
9. Huang Dengxue. Otnosheniya Rossii i NATO: problemy i perspektivy // *Xiandai guoji guanxi* [Современные международные отношения]. 2010. № 9.
10. Гусаров Ю.А. Роль и место России в Европе и мире // Актуальные проблемы Европы. 2001. № 4. С. 42-56.
11. Zhao Long. Na fuda xing guanxi chongsu beijing xia de Eluosi dui Ou zhengce tiaozheng [Корректировка российской политики в отношении Европы на фоне перестройки трансатлантических отношений] // *Guoji wenti yanjiu* [Исследования международных проблем]. 2021. № 6. С. 84-108.
12. Суслов Д. 20 лет назад произошло крупнейшее расширение НАТО на восток. Как политика США привела к военному конфликту на Украине? // Российский совет по международным делам. 29.03.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/20-let-nazad-proizoshlo-krupneyshee-rasshirenie-nato-na-vostok-kak-politika-ssha-privela-k-voennomu/> (дата обращения: 02.09.2025).
13. Xie Yixian (gl. red.). *Zhongguo dangdai waijiao shi* (1949–2001) [История современной китайской дипломатии (1949–2001)]. – Beijing: Zhongguo qingnian chubanshe, 2002. – S. 481.
14. Nie Xinwei, Shi Dan. *Zhong-E nengyuan hezuo lishi jincheng, shidai beijing yu weilai xuanze* [История энергетического сотрудничества Китая и России: контекст и будущее] // *Zhongguo nengyuan* [Китайская энергетика]. 2019. № 41(11).
15. Чу Лин. Китайско-российское энергетическое стратегическое сотрудничество: задачи

- и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1 (90). С. 31-36.
16. Tang Lingxiao. "Jinzhuan siguo" jinrong jianquan hezuo pingtai: yiju yu zhengce jianyi [Платформа финансового регулирования БРИКС: обоснование и политические рекомендации] // Caizheng yanjiu [Финансовые исследования]. 2010. № 10.
17. Qi Wenhai, Yang Yuyuan. Jinrong zhucui xia de Eluosi guoji jiesuan: huobi duoyuanhua ji qi dongyin he fengxian [Международные расчеты России под финансовыми санкциями: валютная диверсификация, ее движущие силы и риски] // Oya jingji [Евразийская экономика]. 2025. № 3. С. 26-41.
18. Da Wei. Xianxing guoji zhixu yanbian de fangxiang yu Zhongguo de xuanze [Тенденции трансформации современного международного порядка и выбор Китая] // Guoji wenti yanjiu [Исследования международных проблем]. 2021. № 1. С. 99-110.
19. Шаклеина Т. Переломный момент в мировом развитии. Сохранил ли Запад преобладающее влияние на формирование мирового порядка XXI века? // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4. С. 6-22.
20. Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: векторы развития и параметры управления: сборник статей / [И.Н. Тимофеев; Отв. ред.: И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2025. – 184 с.
21. Итоги мероприятия: Девятая международная конференция "Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху", 30-31 мая 2024 г., Москва / Сост. Ю. Ю. Мельникова, Г. В. Грызлов, Л. В. Нечаева; Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва: РСМД, 2024.
22. Yang Jieman. Wukelan weiji xia de shijie zhixu bianju he fazhanzhong guojia de shiming dandang [Перестройка мирового порядка в условиях украинского кризиса и роль развивающихся стран] // Guoji wenti yanjiu [Исследования международных проблем]. 2022. № 4. С. 58-78.
23. Грачиков Е.Н., Сюй Хаянь. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7-24.
24. Grachikov E. China in Global Governance: Ideology, Theory and Instrumentations // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. No. 4. Pp. 132-153.
25. Жильцов С.С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. Т. 10. № 1. С. 8-16.
26. Gu Wei. Wangzhuang huoban waijiao, tongmeng tixi yu "Yidai yilu" de jizhi jianshe [Сетевая партнерская дипломатия, союзные системы и институционализация инициативы "Пояс и путь"] // Guoji guanxi yanjiu [Исследования международных отношений]. 2016. № 6. С. 80.
27. Metzl J.F. Network Diplomacy // Georgetown Journal of International Affairs. 2001. Vol. 2. No. 1. Pp. 77-87.
28. Cheng Zhijie. Wangzhuang huoban waijiao jizhi: Zhong-E hezuo de xin lujing [Механизм сетевой партнерской дипломатии: новый путь китайско-российского сотрудничества] // Eluosi yanjiu [Российские исследования]. 2015. № 3. С. 124.
29. Сафонова Е.И. Многополярность и российско-китайское сотрудничество в контексте ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2016. № 21. С. 98-118.
30. Pang Dapeng. Eluosi duiwai zhanlue zhong de Shanghai hezuo zuzhi [Шанхайская организация сотрудничества в стратегии внешней политики России] // Shijie zhengzhi yanjiu [Исследования мировой политики]. 2020. № 2 (общий № 6). С. 39-62.
31. Dianisuo Fu·Deguo (Igor Denisov). Xin zhengzhi zhoushi xia de Zhong-E guanxi: Eluosi zhuanjia de shijiao [Отношения Китая и России в новом политическом цикле: взгляд российского эксперта] // Zhongguo guoji zhanlue pinglun (Fudan University International

- Strategic Review). 2018 (Vol. 1). С. 66-79.
32. Xue, F., Awah, J., Achonwa, E., Ngoye, S. (2024). The turn and development of Russian foreign policy towards Africa in the context of US-European sanctions, 2014–2024. *International relations*, 4, 17–31.
33. Fudan Daxue guoji wenti yanjiuyuan, Eluosi guoji shiwu weiyuanhui, Eluosi kexueyuan Yuandong yanjiusuo. Zhong-E duihua: 2022 moshi [Российско-китайский диалог: модель 2022 года]. – 2022. Iyul. – 55 с.
34. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайско-российского регионального сотрудничества после начала СВО // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 4. № 3 (60). С. 11-19.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования является историческая эволюция стратегического партнёрства между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией в период с 1992 по 2024 год. Автор фокусируется на периодизации этапов сотрудничества, анализе институциональных механизмов, факторов сближения и моделей взаимодействия в контексте меняющейся международной обстановки. Выбор предмета представляется крайне удачным, поскольку охватывает ключевой период становления и трансформации одного из наиболее значимых двусторонних форматов в современной мировой политике.

Автор заявляет использование комплекса методов: исторического анализа, кейс-стади, сравнительного и контент-анализа документов. Теоретической основой избран реализм, что оправдано акцентом на вопросы безопасности, баланса сил и реакции на внешние угрозы. Однако стоит отметить, что заявленный методологический плюрализм реализован несколько неравномерно: исторический и документальный анализ преобладают, тогда как сравнительный метод и кейс-стади могли бы быть раскрыты более глубоко, особенно в части сопоставления с другими стратегическими партнёрствами (например, Россия–Индия или Китай–ЕС).

Актуальность работы не вызывает сомнений. Отношения между Россией и Китаем являются структурным элементом современной системы международных отношений, а их эволюция напрямую влияет на глобальные процессы. Статья написана в условиях обострения конфронтации между «западным» и «незападным» миром, что придает ей особую значимость. Автор убедительно демонстрирует, как внешнее давление (санкции, расширение НАТО) стало катализатором углубления российско-китайского сотрудничества.

Научная новизна заключается в первой попытке комплексного анализа всего современного периода партнёрства в работе с акцентом на институциональную эволюцию и роль внешнего давления. В отличие от многих предыдущих исследований, сфокусированных на отдельных аспектах (экономика, безопасность), статья предлагает целостный взгляд на траекторию развития отношений, включая новейший период (2022–2024 гг.), что ранее в подобном объеме не предпринималось.

Статья написана научным, но достаточно ясным языком. Структура логична и соответствует стандартам академического жанра. Незначительным недостатком является некоторый перекос в сторону описательности в разделе об энергетике, где анализ мог бы быть более сжатым и концептуальным. Библиография представляет собой сильную сторону работы. Автор использует широкий круг источников. Присутствуют как

классические труды по теории международных отношений, так и новейшие исследования российских и китайских авторов.

Автор косвенно апеллирует к оппонентам, признавая существование скептических взглядов на перспективы российско-китайских отношений (опасения по поводу их асимметрии или скрытой конкуренции в Центральной Азии). Однако прямая полемика с альтернативными точками зрения (например, с теми, кто рассматривает это партнёрство как ситуативное и непрочное) могла бы усилить теоретическую составляющую работы.

Работа предлагает всесторонний охват всех ключевых аспектов партнёрства: от политики и безопасности до экономики и финансов. Использование реалистической парадигмы хорошо обосновано и последовательно применяется для объяснения мотивов сторон. Выводы работы могут быть использованы для прогнозирования развития отношений и выработки политических решений.

При этом, нельзя не заметить, что автор скорее описывает, чем проблематизирует отношения. Например, можно было бы острее поставить вопрос о пределах партнёрства в условиях растущей зависимости России от Китая. Сравнение с другими стратегическими. В некоторых разделах (особенно в хронологическом обзоре) излишняя детализация может затруднять восприятие ключевых тезисов.

Главный вывод о том, что российско-китайское партнёрство является устойчивым, институционализированным и обусловленным прежде всего внешними факторами и рациональным расчетом, представляется убедительным и хорошо аргументированным. Автор справедливо отмечает, что, несмотря на отсутствие формального союза, отношения приобрели характер стратегического взаимодействия с элементами координации в военной сфере.

Статья будет интересна широкому кругу читателей: специалистам по международным отношениям, историкам, политологам, экономистам, а также студентам и аспирантам соответствующих специальностей. Практическая значимость работы делает её полезной и для экспертов, занимающихся внешней политикой России и Китая.

Статья «Историческая эволюция стратегического партнёрства между Китаем и Россией (1992–2024 гг.)» представляет собой серьезное, оригинальное и актуальное научное исследование, соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene», предлагаю рекомендовать к публикации.